Чистая
ГЕНЕТИКА...
18+
МегаМегафон

МегаМегафон

Чистая генетика

«Автор»
2026

МегаМегафон

Чистая генетика / МегаМегафон — «Автор», 2026

Бизнесмен Марат и его жена Алина решают прибегнуть к суррогатному материнству: Алина не может иметь детей, но готова принять чужого ребенка, чтобы сохранить брак и статус. По дороге в клинику Марат случайно встречает Веру — девушку, которая ненавидит богатых после гибели отца. Между ними происходит конфликт, он в насмешку сует ей чек за ворот платья, она с вызовом швыряет бумажку обратно.Месяц спустя Вера узнает, что беременна. Выясняется: в клинике перепутали документы, и именно ей подсадили эмбрион Марата. Теперь он должен встретиться с девушкой, которая носит под сердцем его ребенка, — с той самой, что бросила ему вызов на мокрой дороге.

© МегаМегафон, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 Две полоски 9
Глава 3 Товар, который не продаётся 12
Глава 3.5 15
Глава 4 Валюта справедливости 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

МегаМегафон
Чистая генетика

МегаМегафон
Чистая генетика...

Глава 1

Москва, начало осени.

Дождь мелкой сеткой повис в воздухе, делая серые высотки делового центра еще более размытыми. Черный Maybach с тонированными стеклами плавно катил по Садовому кольцу.

На заднем сиденье Марат листал документы в планшете. Анализы, договоры, согласия. Через полчаса они будут в клинике. Там, в стерильном кабинете, он оставит пробирку с материалом, и запустится механизм, который должен подарить ему наследника.

Разговор с Алиной до сих пор стоял в ушах. Её отчаянные, цепкие глаза. «Я всё понимаю, Марат, — говорила она тогда, в гостиной, теребя край шелкового халата. — Я знаю про твоих... спутниц. Мне всё равно. Я не ангел, и мы оба знаем цену этому браку. Но если мы разведемся, я потеряю всё. Статус, положение, круг... А ты потеряешь лицо. Нам нужен цемент. Нам нужен ребенок. Я воспитаю его. Он будет нашим. Только... пусть мать будет чистой. Молодой, здоровой, без генетических сюрпризов».

Она уговаривала его почти сутки. Марат молчал, курил в камине и смотрел на жену. В ее pragmatisme была своя, циничная логика. Его устраивало, что она не будет закатывать скандалов из-за его связей. Её устраивали деньги и фамилия. Ребенок становился идеальным вложением в общее будущее. Они выбрали девушку из базы агентства: двадцать лет, студентка, чистая генетика, девственница.

Марат отвлекся от планшета и потер переносицу. Всё должно пройти гладко.

Резкий визг тормозов и глухой удар по капоту заставили его дернуться. Машина клюнула носом и встала.

— Твою ж дивизию! — выругался Клим, водитель, и выскочил под дождь.

Марат нехотя поднял глаза. Сквозь залитое водой стекло он видел фигуру девушки, стоящей перед машиной. Длинные темные волосы намокли и облепили лицо. Она не лежала на асфальте, значит, не сбил. Клим что-то говорил ей, размахивая руками, видимо, предлагая деньги. Девушка же, наоборот, стояла насмерть, и даже сквозь шумоизоляцию Марат уловил яростный взмах ее руки, отбрасывающей бумажник.

Он хотел уже опустить стекло и приказать Климу садиться, но тут девушка заговорила громче, и её голос, звонкий и злой, ворвался в салон:

— ...Деньгами?! Думаете, деньгами всё можно измерить?! Вы не смотрели, куда ехали! Вы на пешеходном переходе! А если бы я на шаг вперед вышла?!

Клим, мужик здоровый и обычно невозмутимый, выглядел растерянно. Марат вздохнул и вышел под дождь. «Быстро решим», — подумал он.

— Клим, иди в машину, — приказал он, и водитель с облегчением отступил.

Девушка перевела взгляд с водителя на него. В этом взгляде не было ни страха перед дорогой машиной, ни желания "решить вопрос". Только ледяная, выстуженная ненависть.

Марат поднял руку, останавливая готовые сорваться с её губ новые обвинения.

— Пусть выскажется, — спокойно сказал он Климу. — Продолжай.

Девушка — её звали Вера, хотя он тогда этого не знал — говорила сбивчиво, но жестко. О том, что она ненавидит таких, как он. Таких, которые считают, что им всё позволено. Что её отца сбила машина три года назад. За рулем была женщина, красивая, при деньгах, но за решетку посадили какого-то нанятого мужчину. Справедливости нет, и деньги решают всё.

Она выплеснула это ему в лицо, словно он был виноват лично в смерти её отца и во всех грехах мира.

Марат слушал молча. Когда она закончила, тяжело дыша, он усмехнулся. Не зло, а скорее устало.

— Всё, что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги, — сказал он негромко. — А всё, что нельзя купить за большие, можно купить за очень большие деньги.

Она вспыхнула, готовая снова взорваться, но он продолжил:

— Люди зарабатывают деньги умом или красотой. А ты, девочка, пытаешься использовать всё вместе: и мораль, и эмоции, и свой пыл. Ценный коктейль, но на дороге он не работает.

Он обернулся к машине и коротко бросил Климу:

— Книжку с бардачка.

Клим подал кожаную обложку с чековой книжкой. Марат вырвал лист, поставил размашистую подпись внизу, а на обороте шариковой ручкой написал адрес своего офиса и имя-отчество.

— Вот, — он шагнул к ней и, прежде чем она успела отшатнуться, аккуратно, но твердо засунул край бумажного листа за ворот её легкого осеннего платья. Чек коснулся кожи ключиц. — Этого хватит на год твоей справедливости.

Он развернулся и сел в машину. Maybach плавно тронулся с места.

Вера стояла под дождем, сжигая взглядом удаляющийся автомобиль. Адреналин кипел в крови. Когда машина отъехала метров на десять, она рванула за ней, нагнала на светофоре и, не думая ни секунды, швырнула этот дурацкий чек на лобовое стекло. Бумажка прилипла к мокрой поверхности.

Она четко, чтобы он видел её губы через стекло, произнесла:

— Сверните в трубочку и засуньте себе поглубже!

И, показав средний палец, резко развернулась и ушла, растворившись в пелене дождя.

Клим обернулся:

— Марат Равильевич, я выйду? Да я ей...

— Сиди, — отрезал Марат, глядя на удаляющуюся спину.

Его губы тронула легкая усмешка. Но глаза остались холодными и задумчивыми. Он не запомнил её лица. Но он запомнил её глаза. Они горели яростью. Не капризной, не показной. Чистой, незамутненной яростью. Такой он не видел давно. Может быть, никогда.

Месяц спустя.

Он вспомнил её лишь однажды, в какой-то бессонный момент в отеле. Вспомнил этот взгляд и тут же забыл. Дела, контракты, Алина, готовящаяся к появлению будущего ребенка — всё шло своим чередом.

Пока клиника не позвонила сама. Голос медицинского координатора был виноватым и дрожащим.

— Марат Равильевич, нам нужно встретиться. Произошла досадная ошибка... техническая накладка. Фамилии совпали. Девушки... э-э-э... материалы перепутали.

— В чём именно ошибка? — Марат почувствовал неладное.

— Мы провели процедуру... э-э-э... другой девушке.

— То есть, мой ребенок сейчас не у той, которую мы выбрали?

— Он... он у другой. Но она тоже чистая! Мы проверяли задним числом. Она девственница, здорова, генетика идеальна.

— А вас не смущает, что вы перепутали мать моего ребенка? — ледяным тоном спросил Марат.

Когда он приехал в клинику, чтобы решать вопрос, врач, заикаясь, вносил данные в компьютер. Марат мельком глянул на монитор, где была открыта анкета той, другой. Фотография для документов, не слишком удачная.

Но он узнал бы эти глаза где угодно. Даже на плохом фото. Они смотрели с экрана с тем же вызовом, что и тогда, сквозь пелену дождя.

— Это она, — тихо сказал Марат. Не вопрос, а утверждение.

— Да, Вера... Вера Викторовна, — закивал врач. — Мы уже связались с ней. Она в шоке. Не знает, что делать. Но отказываться, кажется, не собирается... Вы будете знакомиться?

Марат смотрел на фотографию. На ту самую девушку, которой он сунул чек за ворот платья. Которая швырнула эту бумажку ему в лицо. Которая презирает его за деньги. И которая теперь носит под сердцем его ребенка.

Он медленно перевел взгляд на врача. Усмешка снова тронула его губы, но в глазах не было ни капли веселья.

— Найдите её. Привезите. Я хочу поговорить с матерью моего сына. Лично.

Глава 2 Две полоски

Месяц назад.

Вера ненавидела больницы. Этот запах стерильности, хлорки и чужих болезней всегда вызывал у нее сосущую тревогу под ложечкой. Но обследование перед устройством на новое место работы в престижный ресторан было обязательным. Пришлось идти.

В коридоре отделения гинекологии было людно. Вера сидела на жестком стуле рядом с двумя другими девушками. Одна, блондинка с идеальным маникюром, нервно листала ленту в телефоне. Вторая, постарше, уткнулась в книгу. Блондинка поднялась и, цокая каблуками, направилась в туалет, бросив сумку на стул.

— Вера Соколова! — громко объявила медсестра, выглянув из процедурной. И добавила, сверяясь с бумажкой: — Девственница? Проходите.

Вера вспыхнула. Щеки залила краска. Зачем орать на весь коридор? Двадцать лет, а все еще девственница — в наше время это звучало почти как диагноз. Или как приговор. Она неловко встала, чувствуя на себе взгляд женщины с книгой, и скользнула в кабинет.

— Раздевайтесь, присаживайтесь, — устало бросила врач, даже не взглянув на нее. — Расслабьтесь, сейчас будет укольчик, чтобы мышцы расслабились. Ничего страшного.

Вера послушно легла на кресло, чувствуя себя неловко и унизительно. Холод металла, яркий свет лампы. Укол в вену был почти незаметным. «Так надо», — подумала она, глядя в потолок. Глаза начали слипаться почти мгновенно. Сознание уплыло куда-то в мягкий, ватный туман.

Очнулась она в пустой палате. Голова была чугунной, во рту пересохло. Сколько времени прошло? Часы показывали, что она провела здесь около трех часов. Рядом на тумбочке лежала памятка и направление на повторный прием через месяц.

— Просто стандартное обследование, — сказала медсестра, когда Вера, пошатываясь, вышла в коридор. — Явка обязательна. Все вопросы потом.

Вопросов было много. Но голова болела так, что хотелось только домой, в душ и в кровать.

Месяц спустя.

Жизнь вошла в привычную колею. Вера работала помощником повара в ресторане итальянской кухни на проспекте Мира. Работа была адская: жара от плит, запахи чеснока, базилика и томатов, которые въедались в кожу, бесконечная нарезка и соусы. Но она любила это дело. Любила создавать красоту из простых продуктов.

Проблемы начались на третьей неделе. Сначала ей показалось, что она переработала. Постоянная сонливость, слабость. Но главное — запахи. Они стали не просто сильными, они стали невыносимо резкими. Запах сырого мяса вызывал тошноту, аромат чеснока, который она раньше обожала, теперь преследовал ее даже во сне. На работе пришлось туго. Шеф-повар заметил, как она побледнела над разделочной доской.

— Соколова, ты зеленая совсем! Иди домой, отлежись. Не хватало нам еще, чтобы ты в соус упала.

Вера послушалась. В поликлинике по месту жительства она просидела в очереди два часа, чувствуя, как ее мутит уже от запаха дешевых духов в коридоре.

— На что жалуемся? — спросила терапевт, пожилая женщина с усталыми глазами.

Вера перечислила симптомы: слабость, тошнота, обострение обоняния, задержка... Задержка. Она вдруг осознала это, когда перечисляла. Месячных не было почти полтора месяца.

Терапевт внимательно посмотрела на неё поверх очков:

— На беременность проверялись?

Вера опешила:

— Доктор, это невозможно. Я... — она понизила голос, — у меня никого не было. Совсем.

Взгляд терапевта стал сложным: смесь недоверия и профессионального интереса.

— Анализы крови, общий и биохимия. И к гинекологу срочно. Задержка — не шутка.

Дальше была череда кабинетов, очереди, баночки, пробирки. Вера делала УЗИ внутренних органов, сдавала кучу анализов. Врачи искали гастрит, гормональный сбой, проблемы с щитовидкой, что угодно. Мысль о беременности даже не приходила никому в голову — девушка двадцати лет, девственница, кто ж такое заподозрит?

— Органически ничего не найдено, — развела руками врач-гинеколог, к которой она попала в конце недели. — Возможно, это психосоматика. Стресс на работе. Пропейте витамины. Если через месяц не пройдет — приходите.

Вера вышла из поликлиники. Ноги сами несли ее домой. Надоедливый голос в голове нашептывал: «Купи тест. Просто чтобы убедиться, что все дураки, а ты здорова». Аптека была по пути. Она зашла, купила самый дешевый тест, усмехаясь про себя. Двадцать лет, девственница, покупает тест на беременность. Бред.

Дома она прошла в ванную, распечатала упаковку, все еще улыбаясь абсурдности ситуации. Сделала все как по инструкции. Положила полоску на край раковины и пошла на кухню ставить чайник, чтобы даже не смотреть на этот фарс.

Вернулась через три минуты.

Две полоски.

Четкие, жирные, ярко-розовые.

Мир вокруг покачнулся. Вера схватилась за край раковины, чтобы не упасть. Ноги стали ватными, в ушах зашумело. Она смотрела на тест, и мозг отказывался обрабатывать информацию.

Как? Как, черт возьми, это возможно?

Она перебрала в голове все варианты. Извращенец в автобусе? Бред. Маньяк, пробравшийся ночью? Нет, она всегда запирает дверь. И вдруг — вспышка. Тот день в клинике. Наркоз. Пробуждение в пустой палате. Их дурацкое обследование.

Они что-то сделали со мной. Пока я спала.

Кто? Медбрат? Врач? Просто проходимец, который зашел и воспользовался беспомощным телом?

Паника накрыла с головой. Она села прямо на пол в ванной, обхватив колени руками, и мелко задрожала. Слезы потекли сами собой. Это был кошмар, наяву. Её тело, которое она берегла, которым распоряжалась сама, стало инкубатором для кого-то чужого.

Телефонный звонок разрезал тишину квартиры, как нож. Вера не хотела брать трубку, но номер был незнакомым. Вдруг это он? Вдруг это тот, кто это сделал?

— Алло, — голос сел и дрожал.

— Вера Викторовна Соколова? — бодрый, официальный голос. — Клиника репродуктивного здоровья «ЭмбриЛайф» беспокоит. Нам нужно с вами встретиться. По поводу процедуры, проведенной месяц назад. Произошла досадная ошибка.

— Ошибка? — Вера засмеялась истерическим смехом. — Вы называете это ошибкой? Вы оплодотворили меня? Без моего согласия?!

В трубке повисла пауза. Собеседник явно не ожидал такой осведомленности.

— Э-э-э... мы все объясним при встрече. Произошла путаница с фамилиями. Ваш материал перепутали с материалом другой девушки. Но эмбрион здоров, вы выбраны как суррогатная мать по всем параметрам...

— Я не давала согласия! — закричала Вера. — Вы меня изнасиловали! Вы... вы...

Она бросила трубку. Телефон упал на пол. Ее трясло.

Они просто взяли и перепутали. Как в прачечной, где перепутали белье.

Через минуту телефон снова зажужжал. СМС. Короткое и властное: «Вера, не принимайте поспешных решений. Ваше положение сложное, но мы готовы обсуждать любые условия. Завтра в 10:00 вас заберет машина. Приезжайте в клинику. Мы решим этот вопрос цивилизованно. Директор клиники».

Вера смотрела в потолок. Ярость, холодная и чистая, как в тот день на дороге, начала заполнять её изнутри. Она вспомнила того мужчину в черной машине. Его глаза. Его слова. Его чек, засунутый за ворот платья.

Судьба — злая и ироничная штука. Она снова столкнула её с миром денег, где всё покупается и продается. Только теперь ставкой был не просто её гнев, а её собственное тело и нерожденный ребенок.

На следующий день. Клиника «ЭмбриЛайф».

Вера сидела в переговорной комнате, сжимая в руках край куртки. Она не знала, чего ждать. Когда дверь открылась, она подняла глаза и увидела ЕГО.

Марат вошел без стука. Остановился на пороге, изучая её. Та же осанка, тот же взгляд, от которого хотелось сжаться или, наоборот, кинуться в драку.

В комнате повисла тишина, густая, как сироп.

— Здравствуй, Вера, — сказал он спокойно. — Я Марат. И, кажется, нам есть что обсудить. Потому что ребенок, которого ты носишь — мой.

Глава 3 Товар, который не продаётся

Марат вошел в переговорную и сразу понял: эта не будет плакать и трястись. Она сидела ровно, с прямой спиной, сжимая край куртки так, что побелели костяшки. Но глаза... глаза горели тем самым огнем, который он запомнил еще на мокром асфальте. Чистая, незамутненная ярость. Только сейчас к ней примешалось что-то еще. Брезгливость? Презрение?

— Здравствуй, Вера. Я Марат. И, кажется, нам есть что обсудить. Потому что ребенок, которого ты носишь — мой.

Она не шелохнулась. Только усмехнулась уголком губ.

— Я знаю, кто ты, — сказала она тихо, но в этом тихом голосе звенела сталь. — Я тебя запомнила. Чек за воротник, да? «Зарабатывают умом или красотой». — Она передразнила его интонацию. — Как твоя машина? Не разбилась еще, когда я тебе пальчик показала?

Марат чуть приподнял бровь. Не сломать. Совсем не сломать. Он сел напротив нее, положил руки на стол. Директор клиники, суетливый мужчина в очках, замер у двери, не решаясь войти.

— Машина цела, — спокойно ответил Марат. — А твой палец я запомнил. Редкая искренность в наши дни.

— Искренность? — Вера подалась вперед, и в её глазах вспыхнуло что-то опасное. — Ты называешь это искренностью? Я тебя чуть под машину не бросила, а ты мне чек суешь. Думал, я побегу, да? Работать начну на тебя, отрабатывать этот твой «год справедливости»?

— Я ничего не думал. — Марат говорил ровно, без эмоций. — Я предложил. Ты отказалась. Твой выбор.

— А теперь что? — Вера откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди. — Теперь ты пришел смотреть на товар? На инкубатор? Проверить, как там твой наследник, не испортился ли?

— Перестань, — осадил он. — Ты не товар.

— О, правда? — Она звонко рассмеялась, но смех был злым, колючим. — А кто же я? Меня усыпили, оплодотворили без спроса, как подопытную крольчиху! Выбрали, потому что «чистая генетика» и «девственница»! Вы вообще слышите, как это звучит? Я для вас — кусок мяса с набором хромосом!

Марат молчал, давая ей выговориться. Он понимал: сейчас её не переспорить. Да и не нужно. Она права. Ситуация — дикость.

— Я подам в суд, — выдохнула Вера, пытаясь успокоиться. — На вас всех. На клинику. На тебя. Это называется изнасилование. Статья 131. Пожизненное, между прочим.

— Подавай, — кивнул Марат. — У тебя есть на это право.

Она опешила. Такого ответа не ждала. Смотрела на него, пытаясь понять, издевается он или серьезно.

— Но, — продолжил он, — пока ты будешь подавать, пройдет месяц, два, полгода. Экспертизы, суды, адвокаты. А ребенок будет расти. У тебя в животе. И к тому моменту, когда суд решит, что делать, у тебя уже будет почти готовый человек. Которого ты либо родишь, либо сделаешь аборт. Выбор за тобой.

— Ты мне угрожаешь? — Глаза Веры сузились.

— Я констатирую факты. — Марат достал из внутреннего кармана пиджака конверт, положил на стол. — Здесь полмиллиона. Твои. Просто так. За моральный ущерб. Прямо сейчас, без условий.

Вера даже не взглянула на конверт. Она смотрела ему в глаза. Долго, пристально, изучающе.

— Знаешь, что я тебе скажу, Марат? — Она наклонилась к столу, оперлась на локти. — Ты, наверное, привык, что все проблемы решаются вот этим. — Она кивнула на конверт. — Жена не дает? Дай денег. Любовница уходит? Дай денег. Водитель кого-то чуть не сбил? Дай денег. А я тебе в прошлый раз уже ответила. Помнишь? «Сверни в трубочку и засунь поглубже».

Она встала. Марат тоже поднялся.

— Сядь, — сказал он тихо.

— Не сяду. — Вера стояла, глядя на него сверху вниз. — Я тебе не подчиненная, не любовница и не твоя жена, которой нужен только твой статус. Мне от тебя ничего не нужно. Вообще. Ни копейки.

— А ребенок? — Марат сузил глаза.

— А что ребенок? — Вера горько усмехнулась. — Ты его уже сделал. Без меня. Теперь я должна решать, что с ним делать. И знаешь что? Я не знаю. Правда. Я в шоке, я в ужасе, я ненавижу тебя и всю эту ситуацию. Но деньги тут не помогут. Ни твои полмиллиона, ни твои миллионы. Потому что есть вещи, которые не продаются.

— Например?

— Например, право самой решать, что происходит с моим телом. — Она чеканила каждое слово. — Ты у меня это право украл. И никакими деньгами не вернешь.

Она развернулась и пошла к двери. Марат окликнул:

— Вера.

Она замерла, не оборачиваясь.

— Я не прошу тебя прощать. Я не прошу любить. Я предлагаю сделку. Родишь ребенка — получишь столько, что твои дети и внуки будут жить безбедно. И никто не узнает, что ты была суррогатной матерью. Чистая анкета, новая жизнь, образование, дом — всё, что захочешь.

Она медленно обернулась. Посмотрела на него долгим взглядом. И вдруг улыбнулась — но улыбка была нехорошей.

— Слушай, Марат. А ты вообще знаешь, чего я хочу на самом деле?

— Чего?

— Я хочу, чтобы ты лег в эту клинику на тот самый стол. Чтобы тебе сделали укольчик. И когда ты проснешься, тебе бы сказали: «Поздравляем, вы беременны. От женщины, которую вы даже не знаете. И теперь девять месяцев ходите, рожайте, а потом мы заберем ребенка. Потому что так надо. Потому что мы так решили».

Марат молчал. Впервые в жизни он не знал, что ответить.

— Вот когда почувствуешь это на своей шкуре, тогда и приходи договариваться, — закончила Вера. — А пока — засунь свои деньги туда же, куда и чек в прошлый раз. Адрес ты знаешь.

Она вышла, хлопнув дверью так, что стеклянная перегородка жалобно звякнула.

В коридоре она столкнулась с директором клиники. Тот испуганно прижался к стене. Вера остановилась, посмотрела на него.

— А вы, — сказала она ледяным тоном, — готовьте адвокатов. Потому что я буду вас топить. Слышите? До последней капли.

И ушла, оставив после себя запах грозы и полной растерянности.

Марат стоял у окна переговорной, глядя, как маленькая фигурка в куртке быстро пересекает парковку. В руках он все еще держал конверт. Не пригодился.

Директор клиники заглянул в комнату:

— Марат Равильевич, может, охрану? Она же угрожала...

— Заткнись, — бросил Марат, не оборачиваясь. — Вы и так уже дел натворили.

Он смотрел, как Вера садится в автобус на остановке. Простая девушка, без машины, без денег, без связей. Которая только что послала его на три буквы и отказалась от полумиллиона. Просто так. Не торгуясь. Даже не раздумывая.

«Есть вещи, которые не продаются».

Интересно, подумал он, а она сама верит в то, что говорит? Или просто цену набивает?

Что-то подсказывало ему: верит. И это было... непривычно. Опасно. Завораживающе.

Он набрал номер Клима:

— Клим, найди мне всё про Веру Соколову. Адрес, работа, привычки, друзья, враги. Всё.

— Случилось чего?

— Случилось, — Марат криво усмехнулся. — Кажется, я нашел человека, которого не могут купить деньги. Надо понять, чем его брать.

Он убрал телефон и еще раз посмотрел в окно. Автобус с Верой скрылся за поворотом.

— Интересно, — тихо сказал он сам себе. — Очень интересно.

Глава 3.5

На следующий день после встречи в клинике.

Марат не мог работать.

Это было странное, почти забытое чувство. Обычно он садился в кресло, открывал ноутбук и погружался в цифры, контракты, сделки. Мир исчезал, оставалась только цель.

Сегодня цель не шла. Перед глазами стояла она. Её глаза. Её голос. Её «засунь поглубже».

— Клим, — нажал он кнопку селектора. — Где она работает?

— Ресторан «La Trattoria» на проспекте Мира, — мгновенно ответил водитель. — Смена до одиннадцати.

Марат посмотрел на часы. Половина десятого вечера.

— Поехали.

Ресторан «La Trattoria». 22:45.

Марат сидел в машине напротив входа. Чёрный Maybach с тонированными стёклами не привлекал внимания — таких много в центре. Он смотрел на двери ресторана и сам не понимал, зачем он здесь.

Что ты делаешь, идиот? Она тебя послала. Ты приехал унижаться?

Но ноги не слушались. Он ждал.

В 23:10 дверь ресторана открылась, и вышли первые сотрудники. Вера появилась через пять минут. Уставшая, в куртке, с пакетом в руках. Волосы собраны в небрежный пучок, под глазами тени — тяжелая смена.

Она пошла к остановке. Марат вышел из машины.

— Вера.

Она обернулась. Увидела его. И лицо её не выразило ничего, кроме усталого раздражения.

— Опять ты? — сказала она без удивления. — Чего надо?

— Подвезти.

— Я на автобусе.

— Я подвезу быстрее.

— Я не тороплюсь.

Она развернулась и пошла дальше. Марат догнал, пошёл рядом.

— Послушай...

— Нет, это ты послушай, — она остановилась, резко повернулась к нему. — Я тебе вчера всё сказала. Чётко, по пунктам. Ты хочешь, чтобы я повторила? С интонацией?

— Я хочу поговорить.

— Не о чем.

— О детях.

— Нет детей. — Она положила руку на живот. — Пока есть эмбрион. Или зигота. Я даже не знаю, как это называется. Но это не ребёнок, с которым можно поговорить. Это клетки. Твои клетки в моём теле.

Марат поморщился.

— Ты специально так грубо?

— А ты специально не слышишь слово «нет»? — парировала она. — Я сказала: подумаю. Значит, подумаю. Не дави.

Она села в подошедший автобус. Марат остался на остановке. Смотрел, как автобус уезжает, и чувствовал себя мальчишкой, которого впервые отшили.

Но вместо злости — азарт.

— Клим, — сказал он, садясь в машину. — Адрес её дома знаешь?

— Знаю.

— Поехали. Только быстро. Чтобы успеть до неё.

23:45. Панельная девятиэтажка на окраине.

Вера шла от остановки к подъезду, когда увидела его. Он стоял у двери, опёршись плечом о косяк, в дорогом пальто, совершенно чужой в этом районе панельных домов и обшарпанных скамеек.

— Ты издеваешься? — спросила она, подходя.

— Жду.

— Чего?

— Тебя.

— Я заметила. — Она остановилась в двух шагах. — Марат, слушай. Я устала. У меня была смена, я на ногах двенадцать часов, у меня болят ноги и спина. Я хочу принять душ и лечь спать. А ты стоишь здесь, как привидение из богатой жизни, и мешаешь мне это сделать.

— Я не мешаю. Я предлагаю.

— Что ты предлагаешь? — Вера упёрла руки в бока. — Давай, выкладывай. Только быстро.

Марат сделал шаг вперёд. Оказался ближе, чем следовало. Она не отшатнулась — смотрела в глаза, не моргая.

— Я предлагаю тебе сделку, — сказал он тихо. — Не ту, вчерашнюю. Другую.

— Какую?

— Ты родишь ребёнка. Я обеспечиваю тебя до конца жизни. Не за ребёнка — просто так. Чтобы ты ни в чём не нуждалась. Квартира, машина, счёт в банке. Всё, что скажешь.

Вера смотрела на него долго. Очень долго. Потом медленно, очень медленно, улыбнулась. Улыбка была нехорошая.

— Ты сейчас серьёзно?

— Вполне.

— То есть, — она сделала паузу, — ты предлагаешь мне деньги. Опять. Просто в другой упаковке. Квартира вместо чека. Машина вместо миллиона. Но суть та же: я продаю тебе своё тело.

— Я не это имел в виду.

— А что ты имел в виду? — Вера повысила голос. — Скажи мне. Что?

Марат молчал. Он и сам не знал, что имел в виду. Знал только, что хочет её видеть. Говорить с ней. Слышать её голос, даже злой.

— Ты не понимаешь, — начал он.

— Нет, это ты не понимаешь, — перебила Вера. — Слушай сюда. И запоминай. Потому что в третий раз повторять не буду.

Она подошла вплотную. Так близко, что он чувствовал запах её духов — дешёвых, но почему-то сводящих с ума.

— Меня нельзя купить, — сказала она, глядя в глаза. — Вообще. Ни за какие деньги. Ни за квартиру, ни за яхту, ни за остров в океане. Потому что я не продаюсь. Я не вещь. Я человек. И если ты хочешь со мной общаться — общайся. Как с человеком. А если хочешь купить — иди в магазин. Там всё продаётся.

Она отступила на шаг.

— А теперь иди домой, Марат. К жене. К деньгам. К своей нормальной жизни. И оставь меня в покое.

Она развернулась и вошла в подъезд. Дверь захлопнулась перед его носом.

Марат стоял один в пустом дворе. Фонарь мигал, бросая жёлтые блики на обледеневший асфальт. Он смотрел на дверь, за которой скрылась Вера, и чувствовал то, чего не чувствовал никогда в жизни.

Он хотел её. Не тело — хотя тело тоже. Он хотел её всю. Её характер, её язык, её принципы. Её несгибаемость.

— Чёрт, — сказал он тихо. — Я влип.

Утро. Офис Марата.

Клим вошёл с кофе и застал шефа в кресле у окна. Марат смотрел на город, но не видел его.

— Марат Равильевич, вы спали вообще?

— Нет.

— Что случилось?

Марат повернулся. Под глазами тени, на щеках щетина — непривычно, обычно он всегда гладко выбрит.

— Клим, — сказал он медленно. — Как понять, что тебя нельзя купить?

Клим опешил.

— В смысле?

— В прямом. Есть человек, которому ничего от тебя не нужно. Вообще. Ты предлагаешь деньги — посылает. Ты предлагаешь квартиру — посылает. Ты готов дать всё, что она попросит, — а она ничего не просит. Что делать?

Клим почесал затылок.

— Ну... может, она просто не хочет ничего от вас?

— Я понял, что не хочет. Вопрос — почему?

— Потому что не продаётся, — пожал плечами Клим. — Есть такие люди. Редкие, но есть. Им важнее своё достоинство, чем деньги.

Марат усмехнулся.

— Достоинство. Она так и сказала.

— Ну вот. Значит, если хотите с ней отношения — стройте их не на деньгах.

— А на чём?

— А это уж вы сами думайте, — Клим развёл руками. — Я водитель, а не психолог.

Марат отвернулся к окну. В голове крутились её слова:

«Если хочешь со мной общаться — общайся. Как с человеком».

— Как с человеком, — повторил он тихо. — А я умею?

Ответа не было. Ни у Клима, ни у него самого.

Глава 4 Валюта справедливости

Неделя ушла на то, чтобы собрать досье.

Клим работал быстро и четко. Уже через три дня на столе Марата лежала тонкая, но исчерпывающая папка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.